

— Лян Сун, Лян Бовэнь! Глава управы Гусу, один из четырех великих ученых Поднебесной — сам Лян Бовэнь!!!

После того как Тан Шэнь переродился в этом мире, он едва успел решить вопрос с пропитанием и крышей над головой, как понял: хотя эта эпоха тоже зовется Сун, она не имеет отношения ни к одной династии из истории Китая. Здесь процветала литература времен Тан и Сун, а армия была сильна и крепка, как в эпохи Юань и Мин. И хотя внешние враги имелись, государство не шло на унижительные уступки, подобно Южной Сун. Это было время сильного государства и богатого народа.

Учитель Цзэн внезапно назвал имя, которое Тан Шэню ровным счетом ничего не говорило. В душе он растерялся, но на лице не выдал и тени замешательства.

Учитель Цзэн и сам понял, что тринадцатилетний мальчишка вряд ли знает, кто такой Лян Бовэнь. Он тяжело вздохнул:

— Такую прекрасную возможность упустил!

Тан Шэнь, однако, так не считал.

Раз уж тот почтенный господин оставил ему свою визитную карточку, значит, юноша все-таки чем-то его заинтересовал.

— Учитель, как столь важный гость оказался в деревне Чжаоцзя? — спросил Тан Шэнь.

— Великий ученый Лян в прошлом году прибыл в управу Гусу на должность главы, — ответил Учитель Цзэн. — В последнее время он, похоже, собирает книги о нравах и обычаях Цзяннани. Я хоть и простой деревенский бедняк-суючай, но дома хранилась пара книг, доставшихся от предков. Вчера ночью слуги Великого ученого Ляна переписывали их до самого утра, а потом забрали копии с собой.

«Так вот зачем он приезжал — за книгами».

Чтобы одолжить книги, глава целой управы лично проделал долгий путь в деревню Чжаоцзя. Сразу видно, как высоко Великий ученый Лян ценит знания.

Учитель Цзэн все не унимался:

— Но тот почтенный гость прав! И не думай, будто я не знаю, сколько ты зарабатываешь каждый день, продавая фруктовый сок у чайной лавки. Этих денег давно хватило бы, чтобы целый год учиться у меня! Ах ты, паршивец, деньги загибаешь, а учиться не хочешь. Что ты вообще задумал?

Тан Шэнь почтительно поклонился:

— Учитель, не невольте меня, у меня свои планы.

— Так и не вернешься к учебе?

Тан Шэнь лишь улыбнулся в ответ.

Учитель Цзэн пристально посмотрел на Тан Шэня и спустя долгое время махнул рукой.

— Убирайся с глаз моих, у меня сегодня скверное настроение.

Тан Шэнь ничуть не испугался, а наоборот, с улыбкой спросил:

— И что же нужно сделать, чтобы поднять вам настроение, учитель?

Учитель Цзэн открыл бамбуковую чашку, отхлебнул фруктового сока и проворчал:

— Вот если бы я каждый день выпивал по чашке этого сока, тогда бы и настроение было хорошим!

Под началом управы Гусу находилось пять уездов, и деревня Чжаоцзя относилась к уезду Усянь. Деревня граничила с уездным городом, поэтому из двух ежегодных ярмарок у храма одна обязательно проводилась в деревне Чжаоцзя.

Будучи важным транспортным узлом для всех окрестных деревень, деревня Чжаоцзя жила безбедно. Тан Шэнь и Тан Хуан трудились больше полумесяца и за три дня до начала ярмарки наконец приготовили двадцать цзиней фруктового сока. Поначалу девочка ужасно переживала: сок уже готов, а до ярмарки еще далеко, вдруг он испортится? Два дня она места себе не находила. Но Тан Шэнь оставался совершенно спокоен.

— У фруктового уксуса срок годности не такой уж короткий.

— Чего? — не поняла Тан Хуан.

Тан Шэнь с невозмутимым видом произнес:

— Твой брат наложил заклятие, так что сок не испортится до самого окончания ярмарки.

Тан Хуан лишилась дара речи.

«У моего брата, похоже, с головой не все в порядке».

Однако дни шли, а сок действительно не портился. Тан Хуан была на седьмом небе от счастья, словно уже держала в руках две связки медных монет. Тан Шэнь же не думал останавливаться и продолжал готовить сок.

Тан Хуан удивленно спросила:

— Брат, мы ведь уже приготовили двадцать цзиней?

— Но до ярмарки еще три дня, — ответил Тан Шэнь.

— Но ведь мы уже сделали двадцать цзиней!

Тан Шэнь отложил инструменты и, встретив любопытный, искренний взгляд сестры, спросил:

— Если староста просит двадцать цзиней, и ты даешь ему ровно двадцать, что ты получишь?

— Две связки монет! — выпалила Тан Хуан.

— А если староста просит двадцать цзиней, а ты даешь двадцать один?

Тан Хуан машинально хотела ответить: «Тогда я потеряю один цзинь сока», но Тан Шэнь перебил ее:

— Подумай хорошенько. На деревьях у ворот еще полно плодов. Сделать на один цзинь больше — это лишь немного лишней работы, расходов почти никаких.

Будучи всего лишь девятилетней девочкой, А-Хуан никак не могла этого понять.

На следующий день староста пришел с помощниками забрать сок. Когда Тан Шэнь передал ему приготовленное, староста удивился:

— Молодой Тан, я ведь заказывал только двадцать цзиней.

— Ярмарка — важное событие для всего уезда, — ответил Тан Шэнь. — Мы с А-Хуан с детства обожаем ярмарки, вот на радостях и увлеклись, сделали немного больше. Дядюшка староста, мы ведь договаривались на две связки монет, их и возьмем.

Староста с улыбкой ответил:

— Хорошо, держи деньги.

Староста привел с собой четверых крепких мужиков, чтобы унести сок. Еще не выйдя со двора, один из них негромко сказал товарищу:

— А этот молодой Тан хорош! И как у такого упрямого и заостенелого Сюэя Тана вырос такой смелый сын? Гляди, у старосты даже взгляд изменился.

Товар сдали, деньги получили.

В тот же день после полудня к Тан Шэню пришли новые заказчики. Они услышали от старосты, что сок молодого Тана — лучший во всем уезде Усянь, и если подать его на праздничном застолье, это придаст хозяевам небывалый почет.

Тан Шэнь невозмутимо принял задаток, а у А-Хуан рот раскрылся так широко, что туда легко поместилось бы куриное яйцо.

Тан Шэнь уже всерьез подумывал, не сходить ли к соседям за яйцом, чтобы проверить эту догадку, как вдруг девочка хлопнула в ладоши:

— Я поняла!

Тан Шэнь промолчал.

«И что же ты опять поняла, умница?»

— Тебе еще многому предстоит научиться, — вслух произнес он.

А-Хуан не обратила на его слова никакого внимания. Ловким и быстрым движением она выхватила задаток из его рук.

— Я приберегу их для тебя, не смей тратить по пустякам!

Тан Шэню оставалось лишь покачать головой от смеха.

Цзяннань — край рек и озер, возраставший немало выдающихся людей.

Среди пяти уездов управы Гусу, если не считать главного города, уезд Усянь был самым

богатым, и дух учености здесь ощущался сильнее всего. Поговаривали, что из ста тридцати одного чжуаньюаня прошлой династии двадцать три были родом из управы Гусу, а пятеро — именно из уезда Усянь. На две ежегодные ярмарки съезжались не только местные жители, но и люди из остальных четырех уездов и даже из самого главного города управы, чтобы приобщиться к этому грандиозному празднику.

Ярмарка должна была длиться три дня. Староста специально выделил для сока семьи Тан место у самого входа и попросил брата с сестрой помочь с его раздачей. Те охотно согласились. Тан Шэнь хотел воспользоваться случаем и посмотреть, как выглядит древняя ярмарка, а мысли Тан Хуан уже давно витали среди праздничных рядов.

Как и следовало ожидать, А-Хуан не могла усидеть на месте. Не пробыв у прилавка и получаса, она убежала гулять по ярмарке.

Июльская жара стояла невыносимая, солнце нещадно палило. Сок расходился нарасхват. Жители других деревень подходили с медными монетами в руках, но, узнав, что угощение бесплатное, лишь диву давались богатству деревни Чжаоцзя и всего уезда Усянь.

Тан Шэнь торговал соком весь день, и лишь к вечеру к палатке медленно побрела маленькая фигурка.

Тан Шэнь взглянул на нее и поддразнил:

— Ну что, маленькая хозяйка Тан, нагулялись на ярмарке? Наконец-то нашли время проводить свой прилавок?

Но ответа так и не последовало.

Тан Шэнь нахмурился:

— Что случилось?

А-Хуан стояла, опустив голову, и крепко сжимала в руках край своего платья, не желая говорить ни слова.

Тан Шэнь отбросил дела, присел перед ней и внимательно осмотрел:

— Вроде не ранена, ни с кем не дралась.

— Учитель Цзэн сказал, что ты действительно больше не пойдешь учиться, — тихо проговорила она.

Тан Шэнь промолчал.

Девочка подняла лицо. Куда делась та бойкая девчонка, что гоняла местных бездельников и прятала сбережения? Сейчас она смотрела на него полными слез глазами:

— Тан Шэнь, пожалуйста, учись. Мы заработали много денег, их хватит на твою учебу. Ты ведь копишь и не тратишь их на книги... потому что хочешь жениться, а мне собрать приданое? Мне не нужно приданое! Забери его и потрать на учебу!

Тан Шэнь не выдержал и рассмеялся:

— Что за глупости? Кто тебе такого навывдумывал?

— Все так говорят.

Тан Шэнь даже не стал спрашивать, кто эти «все». Любители посплетничать найдутся в любые времена, тут уж ничего не поделаешь.

— Зачем мне твое приданое?

— Тогда почему ты не учишься?!

— А кто сказал, что я не буду учиться?

А-Хуан широко раскрыла глаза:

— А?

— Я просто не учусь прямо сейчас. Тан Хуан, скажи, зачем тебе нужно, чтобы я учился?

Девочка надолго задумалась, а потом ответила:

— Чтобы сдать экзамены и получить чин!

— А чин получать зачем?

— Чтобы жить лучше!

— Разве я говорил, что не стану сдавать экзамены?

Тан Хуан растерялась:

— Но ты ведь не хочешь учиться!

— Не учусь сейчас — пойду позже. Уж звание сюцая я себе точно добуду.

А-Хуан сквозь слезы улыбнулась, но тут же спохватилась:

— Только сюцая?

— Да, только сюцая.

— Почему?! — «Мой брат ведь может сдать и на цзюйжэня, мой брат способнее самого уездного судьи!» — пронеслось у нее в голове.

Тан Шэнь спокойно ответил:

— Уж лучше из поколения в поколение оставаться сюцаями, чем стремиться в академики Ханьлинь.

Тан Хуан недоуменно захлопала глазами.

— Звания сюцая вполне достаточно для безбедной жизни. Что ты понимаешь, глупышка? Иди лучше сок продавай.

Тан Хуан вспыхнула от досады:

— Тан Шэнь!!!

Тан Шэнь даже не подумал уворачиваться и безропотно принял от сестры пару шуточных ударов ее крошечными кулачками.

Лучше из поколения в поколение оставаться сюцаями, чем стремиться в академики Ханьлинь. Быть скромной семьей земледельцев и ученых, тихо доживая свой век. Пусть без блеска и величия знатных родов, но все же куда благополучнее простых простолюдинов.

<http://bllate.org/book/18292/1754374>